

Закончив исследовать ближний мир вокруг, ребёнок впервые обращает взгляд на самого себя.

В глубокой луже, созданной Немезидой, или в зеркале домашней ванной он вкладывает глаза внутрь собственных глаз — и обнаруживает, что смотрит на кого-то другого: на Бога.

На миг он застывает в растерянности, разглядывая себя, опрокинутого в цвете своей радужки.

Вечно изменчивый пейзаж вокруг собственного зрачка рассказывает ему о внеземных пейзажах.

Отвлечённый зверьком за кустами или телефоном, зазвонившим в коридоре, ребёнок возвращается в мир, забывая то, что только что увидел.

Бог-друг, столь близкий, кажется слишком лёгкой находкой — а значит, не может быть правдой.

Ребёнок разрушает и строит, ища Бога в чужих глазах, и, став уже мужчиной, снова застаёт себя глядящим себе в

глаза и находящим в собственной радужке пейзаж, изменённый кратерами, оскорблённый столкновениями с другими небесными телами, согретый солнцами или замороженный смертью схлопнувшихся звёзд.

И снова ребёнок, ставший мужчиной, видит Бога и, покрывшись мурашками, начинает с ним говорить: он хочет знать, кто Он и куда ему идти.

Бог тупо смотрит на него из зеркала, не давая никакого ответа, и взрослому кажется, что он говорит сам с собой.

Плачущий ребёнок или зазвонивший будильник возвращают взрослого в мир.

Бог, который не отвечает, — глухой Бог, злой Бог и Бог, которого нет.

Пока взрослый, ставший стариком, не оказывается однажды утром перед самим собой, умывая лицо:

внеземной пейзаж его глаз, откуда он вышел и куда вот-вот вернётся, снова переменился;

обитающий там Бог ждёт его невозмутимо среди цветочных сплетений, теней мифологических зверей, радуг из цветных клубков.

Ребёнок, ставший мужчиной, ставший стариком, отправится встретить в собственных глазах D'Io — Бога и Я.